

Цю Цинши была твердо уверена в измене супруги, поэтому, не желая больше делить с ней мысли и ложе, заявила во всеуслышание:

— Раз спим раздельно, значит, раздельно.

В итоге, под угрозой физической расправы со стороны Цю Цинши, Яо Сянъи пришлось забрать одеяло с подушкой и перебраться на диван в ногах кровати.

В тот момент, когда она легла на диван, нахлынуло чувство глубокого унижения от потери собственного достоинства. В порыве досады она отправила Су Тиле сообщение в WeChat, в котором строжайше запретила Цю Цинши в будущем сниматься в боевиках, настаивая, чтобы та выбирала только роли наивных простушек.

Упомянув наивных простушек, она тут же вспомнила главную героиню первоисточника — Бай Мэнчжао.

Судя по недавнему изучению ею романтических идолодрам и старых романов, Бай Мэнчжао как раз и была типичной наивной простушкой.

И она, великая женщина-босс, проиграла какой-то простушке!

Просто невыносимо!

Чем больше она думала об этом, тем несправедливее казался ей мир. Не выдержав, она села и одарила Цю Цинши выразительным, полным презрения взглядом.

Почувствовав облегчение, она снова легла спать.

Цю Цинши, в этот момент наносившая крем под глаза, лишь молчала.

На следующее утро, ясное и прохладное, воздух был напоен свежестью.

Цю Цинши, обладая сознательностью истинной леди, даже после ночной ссоры с супругой встала рано и, не дрогнув ни единым мускулом, отправилась на кухню готовить завтрак для Яо Сянъи.

Уходя, она резким движением распахнула шторы, и солнечный свет ворвался в комнату, обжигая веки Яо Сянъи.

Яо Сянъи затрепетала ресницами и плотнее закуталась в тонкое одеяло.

Раньше в такие моменты Цю Цинши нежно откидывала край одеяла, целовала её, обнимала и нашептывала сладкие слова, от которых сердце Яо Сянъи расцветало.

Она, еще сонная, тихо ждала привычных ласк, но сколько бы ни ждала — тишина.

Высунув голову из-под одеяла, она не обнаружила и следа Цю Цинши.

Воспоминания вернулись, и Яо Сянъи всё поняла: точно, они же в ссоре.

Встав и направившись в ванную, она увидела, что стакан для полоскания рта уже наполнен водой, на нем лежит зубная щетка, а паста с мятным вкусом, которым она всегда пользовалась, уже выдавлена.

Супружеская жизнь состоит из таких вот мелочей, способных наполнить сердце теплом.

Цю Цинши много работает, но, когда она дома, её забота и внимание не знают границ.

Яо Сянъи прижала руку к теплой, взволнованной груди и тихо вздохнула.

Они знакомы с детства: одна начальная школа, один класс в средней, одна парта в старшей, университетский роман и свадьба сразу после выпуска — разве можно так просто взять и всё перечеркнуть?

Она взглянула на свое отражение в зеркале и ощутила прилив печали.

Вдруг она заметила, что левое ухо сильно опухло, покраснело и даже приобрело фиолетовый оттенок.

Испугавшись, она поспешно стерла капли воды с зеркала, придвинулась ближе и, внимательно присмотревшись, увидела на ухе следы зубов, которые уже покрылись корочкой.

Ох!

Цю Цинши и правда ведет себя как тибетский мастиф!

На завтрак был сэндвич с яйцом. Чтобы Яо Сянъи получила максимум пользы, Цю Цинши проявила мастерство и выложила сверху слой кукурузных зерен в йогурте, добавив стакан свежавыжатого сока.

Идеально.

Цю Цинши осталась довольна, щелкнула пальцами, объявляя работу законченной.

Тетушка Ми, помогавшая на кухне, похвалила её за умение вести хозяйство, а затем, уложив всё на поднос, отнесла в столовую, где Яо Сянъи уже сидела за столом.

— Сегодня ты такая послушная, — подшутила тетушка Ми. — Обычно тебя добудиться невозможно, приходится по три раза просить.

Как только супруга вернулась, та сразу изменилась.

Тетушка Ми сменила тон:

— Везет же тебе, отхватила такую жену, как Цинши.

Яо Сянъи, глядя в свою тарелку, подняла руку и убрала прядь волос за ухо, обнажив опухшую рану, которая в ярком солнечном свете выглядела особенно вызывающе.

Тетушка Ми встревожилась:

— Ой, что это с тобой?

Яо Сянъи невозмутимо ответила:

— Собака укусила.

Тетушка Ми не унималась:

— Чья это собака? Ей делали прививку от бешенства?

Цю Цинши, только что снявшая фартук, замерла.

Сегодня пятница, приближались выходные, и в компании царило оживление. Однако Цинь Чунь не смела расслабляться и заранее предупредила все отделы, что грядет визит босса Яо, поэтому все должны быть предельно собраны.

Отделы получили приказ: рабочие места должны сверкать чистотой, а сотрудники — сидеть ровно и быть готовы к приему.

В девять утра Майбах 65S плавно остановился у входа. Водитель вышел, обошел машину и открыл дверь.

Цинь Чунь поспешно подбежала, прикрывая ладонью голову Яо Сянъи от солнца.

— Госпожа Яо, — позвала она.

Яо Сянъи холодно посмотрела на неё, но не ответила.

Длинные ноги в один миг преодолели расстояние до вращающихся дверей.

Сотрудницы на ресепшене вскочили и отвесили низкий поклон, но, подняв головы, замерли: Яо Сянъи выглядела иначе — распущенные волосы, тонкая талия, светлая кожа, тяжелая оправа очков исчезла, а черты лица стали тонкими и ясными, как вода.

Это та самая грозная госпожа Яо?

Она что, такая красивая?

Девушки переглянулись, наблюдая, как Яо Сянъи в окружении свиты проходит мимо них к отдельному лифту, оставляя после себя шлейф аромата бергамота и гардении.

Как только двери лифта закрылись, они бросились доставать телефоны, рассылая сообщения во все рабочие чаты компании.

«@Всем сотрудникам: Невероятно! Я просто взглянула на госпожу Яо в толпе и, кажется, забеременела».

Все сотрудники: «???»

Не успели они разобраться, как поднял шум финансовый отдел на втором этаже.

«А-а-а, я тоже беременна! Госпожа Яо приходила к нам с проверкой! Те, кто выше, готовьтесь созерцать её божественный лик. Я больше не могу, мне нужно подышать кислородом».

«Ненавижу свои глаза за то, что раньше не разглядели красоту нашей госпожи Яо».

«Девочки, рыдаем вместе!»

Затем отозвался третий этаж.

«Она пришла, она пришла, и она принесла с собой неземную красоту».

«Я умерла. Зачем мне быть фанаткой звезд, когда есть такая госпожа Яо?»

«Я не только забеременела, у меня двойня, и оба — дети госпожи Яо!»

«Я уже второго жду! А-а-а!»

Другие отделы занервничали: «Что происходит?!»

Чтобы прояснить ситуацию, один сердобольный коллега выложил две фотографии.

На одной — вид со спины: Яо Сянъи на высоких каблуках в темно-синей юбке-плиссе, её стройные белые ноги сияют в солнечном свете.

На другой — вид спереди: красавица, затмевающая Си Ши, особенно её глаза — глубокие и яркие, как звезды.

Другие отделы: «Обалдеть!»

Вскоре кто-то выложил третью фотографию — в профиль.

На ней ветер колышет волосы Яо Сянъи, обнажая её покрасневшее «свиное ушко».

Все сотрудники: «Черт возьми, кто посмел обидеть ухо нашей госпожи?»

Этот вопрос вызвал бурную дискуссию.

Кто-то написал: «Когда госпожа была на девятнадцатом этаже, я стоял у кулера и случайно столкнулся с ней. Я точно видел следы зубов, её укусили!»

Страсти накалились, и возник новый вопрос: «Кто укусил госпожу Яо?»

Ответ был единогласным: «Супруга, конечно».

О, должно быть, во время пылкой страсти не рассчитали силы. В конце концов, четыре месяца на съемках — навыки в постели могли и притупиться. Понятно, понятно. Но всё же... фильм закончили позавчера, вчера она была на презентации, а ночью уже вернулась в Хайши, чтобы миловаться с Яо Сянъи. Вот это выносливость!

Цинь Чунь тоже заметила ухо Яо Сянъи.

Она стояла близко и видела следы зубов отчетливо. Вспомнив вчерашнюю ярость Цю Цинши, она пришла к выводу, что Яо Сянъи, скорее всего, стала жертвой домашнего насилия.

Неудивительно, что та с утра смотрела на неё волком.

Цинь Чунь втянула голову в плечи и попыталась улизнуть, но Яо Сянъи окликнула её.

— Госпожа Яо, — она натянула улыбку, — что прикажете?

Яо Сянъи обошла стол, села в массивное кресло, в уголках её глаз мелькнула легкая улыбка, но в глубине взгляда тепла не было.

— Это ты рассказала супруге о моем намерении развестись?

Цинь Чунь скривилась:

— ...Вы не говорили, что нельзя рассказывать.

Слушать это жалкое оправдание было больно.

Яо Сянъи машинально коснулась левого уха — мазь была нанесена слишком толстым слоем и липла к пальцам. Тетушка Ми настояла на своем, из-за чего ухо не только покраснело, но и блестело, привлекая лишнее внимание.

Если бы не болтливость Цинь Чунь, разве она была бы в таком виде?

Она махнула рукой, приказывая Цинь Чунь исчезнуть.

Цинь Чунь, словно получив помилование, уже добежала до двери, но обернулась:

— Госпожа Яо, в соглашении о разводе... как вы собираетесь делить имущество с супругой?

— Фонды, акции, облигации... всё движимое и недвижимое имущество делим пополам.

Цинь Чунь была тронута: надо же, внешне госпожа Яо кажется бесчувственной, а в душе она такой верный своим принципам человек.

Цинь Чунь кивнула:

— Хорошо, я сейчас же займусь этим.

— Подожди, — Яо Сянъи на мгновение заколебалась, — лучше пусть супруга уходит ни с чем.

Цинь Чунь: «...»

Цинь Чунь: «Не слишком ли... жестоко?»

Яо Сянъи посмотрела на неё так, словно говорила: «Я ни за что не отдам деньги, которые зарабатывала с таким трудом, чтобы она кормила эту лису Бай Мэнчжао».

Цинь Чунь вздрогнула, пробормотала «слушаюсь» и быстро ретировалась.

В кабинете воцарилась тишина. Яо Сянъи потеряла ноющую от сна на диване поясницу, открыла ноутбук и ввела в поиск имя Бай Мэнчжао.

Как и прежде, на десять аккаунтов приходилось девять проклятий.

Настроение Яо Сянъи необъяснимо улучшилось.

Она отпила лимонный чай, приготовленный секретарем, и открыла биографию Бай Мэнчжао.

Девушке всего двадцать лет, студентка третьего курса Хайшиской киноакадемии, в прошлом году подписала контракт с Тяньцзи Филм и вскоре снялась в той самой веб-дораме, из-за которой Яо Сянъи поливали грязью.

Надо признать, девушка выглядит свежо, как молодая поросль. Не сказать, что ослепительна, но черты лица правильные, гармоничные. Такое лицо обычно лучше всего смотрится в кадре, и фотографии его обожают — «триста шестьдесят градусов без изъянов».

У Тяньцзи Филм неплохой вкус.

Яо Сянъи, охваченная любопытством, нашла эту дораму и нажала на воспроизведение.

Как она и предполагала, Бай Мэнчжао, обладая аурой главной героини, играла на голову выше остальных актеров. Неудивительно, что её так ненавидели: исполнять роль женщины в дораме, основанной на мужской любви, — уже само по себе вызывает гнев, а если делать это так убедительно, то ненависть лишь множится.

Посмотрев пару серий, она продолжила просматривать ленту, заглянула в Weibo Бай Мэнчжао. Фанатов у той немного, чуть больше миллиона, среди которых полно хейтеров. Сама же девушка вела себя довольно отстраненно: раз в десять дней выкладывала фото цветов, создавая иллюзию спокойной и безмятежной жизни.

Яо Сянъи переключилась на секретный аккаунт, подписалась на неё, а затем нашла несколько фан-групп.

Бай Мэнчжао только начала карьеру и была скандальной фигурой, фанатов в группах немного, вход свободный — не то что у Цю Цинши, где строгий отбор и проверки, чтобы не пробрались «засланные казачки».

Чтобы быстро влиться в коллектив, Яо Сянъи начала против совести расхваливать Бай Мэнчжао.

«Сестренка Мэнчжао такая разная, и дерзкая, и нежная, хочу на ней жениться [сердечки]».

«Кто такая эта сестренка? Это любовь всей моей жизни, эх-эх-эх~»

«Талия сестренки — не талия, а клинок, губы сестренки — не губы, а чистая вода под мостом Аньхэ».

«Рыдаю по ней, схожу с ума по ней, готова ради неё на всё».

Администратор группы: «Добро пожаловать новому участнику!»

Администратор 1: «[хлопает]»

Администратор 2: «[розы]»

Администратор 3: «[Я ценю тебя, будь моей верной собакой.jpg]»

Яо Сянъи: «Спасибо всем, я буду стараться, эх-эх-эх~»

Цю Цинши, пришедшая с обедом, стояла в дверях и наблюдала, как Яо Сянъи за три минуты

закатила глаза восемнадцать раз.

Цю Цинши: «...»

Цю Цинши чувствовала свою вину: сразу после того, как укусила Яо Сянъи, она пожалела об этом, а проснувшись утром, и вовсе была готова грызть локти.

Всю ночь она ворочалась, размышляя: она ведь первая леди Хайши, как могла опуститься до рукоприкладства? Это недостойно. К тому же их связывает дружба с детства, и пусть Яо Сянъи была холодна, она не могла ответить тем же. Ей было больно осознавать, что она ранила её.

Поэтому она постаралась на славу: сама готовила, варила суп более трех часов, не отходя от плиты всё утро.

Как только Яо Сянъи ушла, она почти не отдыхала.

Подготовив всё, она с контейнером для еды отправилась в компанию.

Едва переступив порог, она почувствовала неладное: взгляды девушек на ресепшене были полны удивления, смешанного с двусмысленностью, и она даже заподозрила, что среди них скрываются её фанатки.

Девушки на ресепшене проводили её к лифту, а напоследок добавили:

— Супруга и госпожа Яо такие влюбленные.

Последние два слова они выделили особенно отчетливо. Цю Цинши улыбнулась, закрыла двери лифта и поднялась на тридцать девятый этаж.

Девушки на ресепшене достали телефоны и написали в чат из пяти человек: «У супруги и госпожи Яо будет кабинетный плей! [крик сурка.jpg]»

Подруги: «[крик сурка.jpg]»

Рабочее место Цинь Чунь было рядом с кабинетом. Увидев своего кумира, она радостно воскликнула:

— Супруга! — и потянулась забрать контейнер, но Цю Цинши ловко увернулась.

Увы, неужели я больше не в фаворитках у супруги?

Цинь Чунь понурила голову.

Цю Цинши проигнорировала её, подошла к дверям кабинета, подняла руку и постучала костяшками пальцев.

На полпути она остановилась.

Её ясные глаза были устремлены на Яо Сянъи. Она не знала, чем та занята, но всё лицо Яо Сянъи было перекошено, а глаза закатывались так, будто это ничего не стоило.

Цю Цинши стало любопытно, и она осталась стоять, наблюдая.

К счастью, Яо Сяньи наконец заметила её. Цю Цинши приподняла бровь и с усмешкой спросила:

— Чем ты тут занимаешься?

Яо Сяньи вздрогнула, на её лице промелькнул испуг, словно у вора, которого застали на месте преступления, но она тут же приняла невозмутимый вид. Она — великая женщина-босс, какие только бури не видела!

Она улыбнулась Цю Цинши, положила руку на мышку и закрыла все вкладки.

Цю Цинши: «Я серьезно подозреваю, что ты переписываешься или созваниваешься с любовницей, и у меня есть доказательства».

Цю Цинши всё поняла, но не стала говорить вслух. Она подошла ближе, и шифоновая рубашка, заправленная в пояс, слегка зашуршала.

— Специально для тебя сварила суп из голубя, попробуй. — Она поставила контейнер на журнальный столик, поманила Яо Сяньи рукой и, словно не в силах ждать, сама подошла, схватила её за руку, подняла и усадила на диван. — Время обеда, не думай только о работе.

Говоря это, она надула губки, голос звучал игриво, с ноткой кокетства.

Раньше они всегда вели себя так — сладко и нежно, вызывая зависть у всех вокруг.

Яо Сяньи, не раздумывая, потянулась, разминая затекшие мышцы.

Цю Цинши привычно открыла контейнеры, разложила палочки и салфетки — даже простая еда в её руках выглядела как изысканный ужин.

Она взяла ложку, зачерпнула суп и поднесла к губам Яо Сяньи:

— Попробуй, не горячо?

Суп варился достаточно долго, он был легким, но очень вкусным. Яо Сяньи предпочитала нежирную пищу, и суп из голубя пришелся ей по вкусу.

Сделав глоток, она причмокнула:

— Немного горячо.

Цю Цинши зачерпнула еще ложку, не спеша кормить её, склонила голову и подула:

— Попробуй еще раз.

Яо Сяньи послушно открыла рот.

Цю Цинши заботливо спросила:

— Еще горячо?

— В самый раз, не горячо.

Цю Цинши мягким голосом произнесла:

— Тогда выпей еще.

Сказав это, она подвинулась на пару дюймов ближе, почти соприкасаясь лицами.

Цинь Чунь, уже «наевшаяся собачьего корма», молча прикрыла за ними дверь.

— Ухо еще болит? — Когда суп закончился, Цю Цинши отставила контейнер и вытерла руки салфеткой.

«Ухо» было больной темой для Яо Сянъи: ночные события, когда она оказалась под Цю Цинши, до сих пор стояли перед глазами.

Она помрачнела и взяла палочки:

— Не болит.

— Дай посмотрю. — Цю Цинши обхватила её голову, разглядывая следы зубов.

Яо Сянъи попыталась вырваться.

Цю Цинши не отпускала и упрекнула:

— Не дергайся, надо нанести мазь. Ты взяла её с собой?

— Нет.

Цю Цинши с видом «я так и знала» вытащила из сумки маленькую зеленую тубу:

— Я сама намажу.

Подарки без причины — либо коварство, либо кража.

Яо Сянъи хотела отказаться, но Цю Цинши уже действовала: нанесла немного молочно-белого крема на кончик пальца и коснулась ушной раковины.

Мазь была прохладной, пальцы Цю Цинши — тоже. В тот момент, когда они коснулись уха, по телу Яо Сянъи пробежал электрический разряд, а сердце внезапно забилося чаще.

Особенно дурманил аромат — уникальный, смесь шампуня Цю Цинши и травяного запаха мази.

Как описать этот запах?

Сладкий.

Яо Сянъи вспомнила обязательную цитату из старых романов: «Эта женщина... чертовски привлекательна».

— Я лучше сама, — вежливо сказала Яо Сянъи.

Цю Цинши, словно решив идти до конца, упрямо ответила:

— Я сама.

Её движения были нежными, она аккуратно распределила мазь, а затем обхватила шею Яо Сянъи, наклонилась и слегка подула на ухо.

Соблазн.

Это был чистой воды соблазн.

Яо Сянъи, даже если бы была спокойна как океан, не могла остаться равнодушной. Она неловко отвела голову, увеличивая дистанцию между собой и этой «опасной» Цю Цинши.

<http://bllate.org/book/21445/2191658>